

О книге "Морские повести"

Кто не грезил в детстве морями и океанами, зачитываясь фантастическими повестями Жюль Верна, произведениями Виктора Конечного "За доброй надеждой"? Мы жили героями романа Вениамина Каверина "Два капитана", стараясь не прощать ни подлости, ни измены. "Алые паруса" Александра Грина нас учили доброте, надежде и вере в то, что чудеса происходят на белом свете. Мы видели море глазами Валентина Катаева, читая его повесть "Белеет парус одинокий". О морской романтике создано бесчисленное множество прехотных произведений как зарубежных,

Моря и океаны Юрия Пахомова

так и отечественных писателей. Основательно своё имя вписал в морскую тематику и маринист Юрий Пахомов. На меня его суровая правда жизни обрушалась "девятым валом". Я физически ощутил в его прозе волны высотой с крестьянские избы, несущие на своих гребнях, как на ладонях, на берег белоснежные цветы прибой, солёный вкус воды, приливы и отливы, оставляющие на прибрежных участках водоросли, остовы крупных рыб и всевозможный мусор самоочищающихся морей.

Юрий Пахомов заставил по-иному увидеть дизельные и атомные подводные лодки, их кубрики, рубки, торпедные и ракетные отсеки.

В книге "Морские повести" в большом объёме показана техника военно-морского флота шестидесятых-девяностых годов прошлого столетия, создающая надёжный щит от посягательств НАТО на огромную страну с ёмким и гордым названием Советский Союз.

Но главное, как мне кажется, в произведениях большого русского писателя не мощные, с большим водоизмещением корабли и подводные лодки с ракетной начинкой, а прежде всего люди с их мыслями и думами, болями, тревогами и радостями. Перед читателями чередой проходят герои-труженики морских и океанских просторов: механики, старпомы, командиры, адмиралы... Каждого автор выписал выпукло и зримо. И ни одного проходного лишнего слова.

Юрий Пахомов своих героев знает не понаслышке. Кто-то из них – потомственный моряк, кто-то – из сухопутной местности, но однажды обложившись в форму моряка, так и не расстался с нею до списания, по возрасту, на берег. Среди героев людей случайных практически нет. Правда, встречаются персонажи со вздорными характерами, способными при малейшей возможности "подослать свинью" своим близким по службе товарищам. Только это всё идёт не от озлобления, а от зависти и недопонимания сослуживцев, успешно поднимающихся вверх по карьерной лестнице. Тому пример командир Аверчук из повести "Новый год у острова Магере". Противоположностью Аверчуку в этой повести является Владимир Гаврилович Шахров, человек дела и чести. На вопрос маршала Совет-

ского Союза: "Вот ты, командир, собьёшь цель первой ракетой?" он ответил достойно и кратко: "Собью". Десять лет Шахров прослужил командиром корабля. Хотя его сослуживцы знали и понимали, что он по своему опыту и интеллекту на два порядка выше той должности, которую ему от независимых от него причин приходилось занимать. Честь офицера для Владимира Гавриловича превыше всего. Он обладал редким качеством увидеть в человеке талант настоящего моряка с нестандартным мышлением. Многие люди занимаются коллекционированием предметов старины, бабочек, жучков, паучков и даже некрологов. Шахров тоже коллекционер, но иного плана, человеческих душ и судеб. Он становился покровителем молодых дарований, всячески способствовал их становлению и профессиональному росту. В повести перед нами проходят десятки

рожила, слушала корабль, и малейший сбой в музыке движения рождал в душе тревогу". Музыка движения! Какое неожиданное сравнение...

Не менее колоритен образ мичмана Пака из повести "Зачётные стрельбы". В неслужебное время он азартный охотник. И ракеты, боевые ракеты, для него живые. К ним он относится с обожанием, и когда они находятся в работе – летят к цели, их он называет "девочками", "ласточками", "змеяками".

Был случай, когда на стрельбах ситуация вышла из-под контроля – летящая ракета дала обратный ход и угодила в боевой корабль. А дальше начался судный ад, к которому причастен и ушедший в отпуск Пак. Он при подготовке ракет к стрельбе допустил оплошность. И на Халитове лежала доля вины в трагедии, это он настоял на учениях в назначенные сроки. И в этой весьма запутанной трагической ситу-

ации меня как читателя не оставило равнодушным, как повёл себя капитан-лейтенант – инженер Аркадий Гуц, руководивший тушением пожара. Он сбрасывал матросов за борт, к спасательным шлюпкам. И как здесь не вспомнить известное стихотворение Бернса "Над пропастью во ржи", послужившее названием роману Джерома Сэлинджера, герой которого мечтал спастись от гибели расшалившихся детей, бегавших по ржаному полю у края пропасти. "Смешной человек, похожий на Чарли Чаплина". Превосходно. И нет сомнений, что за этим образом стоит реально существовавший человек.

Гармонично в новую повесть вписался и Башиллов, герой предыдущей повести "Новый год у острова Магере". Алексей – морской романтик с необычной судьбой. Покойная мама – балерина, отец – в прошлом танцор. Домашнее воспитание

Алексей получил в интеллигентной семье, оно наложило серьёзный отпечаток на его дальнейшую жизнь. В нём жил художник. Он видел море по-иному: цвет волн, их пенистое кипение. И неспроста на него положил глаз командир корабля Шахров, коллекционер и охотник за судьбами нестандартных людей.

Яркий эпизод, когда за пианино сел старший офицер Шахров и начал наигрывать одну мелодию за другой. И это был настоящий "Музыкальный ринг". Легко разгадывал мелодию за мелодией Алексей "Лунную сонату" Бетховена, "Адажио" к балете Чайковского "Лебединое озеро"...

В конце повести "Новый год у острова Магере" Алексей Башиллов читает приказ о своём назначении самостоятельным управлением корабля проекта 1134 А.

Повесть полна оптимизма и надежды на будущее.

Зная о порядочности и чести Башилова по предыдущей повести, есть уверенность, что он и в роли третейского судьи по справедливости разберётся в обстоятельствах, приведших к гибели десятков людей. Читая книгу Юрия Пахомова, невольно вспоминаешь реальные события, связанные с гибелью подводной лодки "Курск".

Остроусожетна и увлекательна в книге повесть "Зачётные стрельбы", в которой значительное место отведено командующему приморской флотилии контр-адмиралу Николаю Гавриловичу Голованову. Он прост и доступен для своих подчинённых. Его чтили и уважали. Голованов окончил школу с золотой медалью. Он из числа так называемых "маменькиных сынков". Поступил в военно-морское училище имени Фрунзе, на штурманский факультет. Его сокурсником был Анатолий Халитов, он стал курсантом после срочной службы. В дальнейшем судьбы этих людей продолжились пересекаться. Халитов старше Николая по возрасту. На службе оказывался младше по должности. Родом Анатолий из Петербургской семьи дворян. Трудное детство. В полуподвальном квартире вечно стояли мрак и сырость. Учёба пареньку давалась с большим трудом. И надо только представить какие Халитову "предстояло преодолеть немислимые преграды, чтобы на его плечи, наконец, легли заветные адмиральские звёзды". Под занавес службы

сокурсников судьба вновь свела вместе. Голованов возглавил флотилию, Халитов стал его заместителем по боевой подготовке.

В книге что ни повесть, то открытие. В них и байки, и своеобразный флотский юмор. До слёз можно смеяться, как после доклада адмиралу старшина трюмной команды произнёс слово "бардак", потом выяснилось, что старшина носит именно такую фамилию. А заменить на иную, более благозвучную – не может. Выходец из чумацкого рода. Родственники его поступка не поймут.

Не менее интересна байка о солёных грибах и живых курах. И как в уютно-компанийно кончили на столе салфетки, и выход нашли: их нарезали из туалетной бумаги. За этот стол усадили находящегося на корабле с проверкой контр-адмирала Виталия Ивановича Жука. "Он отодвинул тарелку и мрачно сказал": "Мне казалось, что моя физиономия по фактуре всё-таки отличается от задницы" (*из повести "Новый год у острова Магере"*).

Хороша байка и о механике Дудакине, о том, как он в новогоднюю ночь перевоплощался в деда Мороза.

Рядом с ярко выраженными карьеристами порой соседствуют балагуры и весельчаки. О них в народе говорят "рубаха парень". Морфлотцы – особая категория людей, которые даже в сложных ситуациях могут найти выход, не потеряв достоинства, не запятнав чести. Тому пример образ Валентина Елкина из повести "Эх, Гремиха, жемчужина у моря". К его хвойной фамилии Елкин крепко прикипела приставка "Палкин". Неунывающий холостяк, не имея броской внешности, он своим внутренним обаянием напавал мог сразить приглянувшуюся ему красавицу. Жил он легко, будто играючи, не помышляя о большой карьере. Но пришло "чуждое мгновение" – герой влюбился навсегда и бесповоротно в милую, симпатичную Алевитину, родившую ему трёх сыновей. Эта женщина укротила "Казанову". Валентин, имея феноменальную память, с большим рвением принялся устранять проблемы в несколько запущенных знаниях. Оно и понятно, напропалую гуляя морячок до встречи с Алевиной. В дальнейшем он одним из первых стал командиром атомной подводной лодки К-111. Шесть подледных походов совершил Елкин со своим экипажем. За каждый из них мог получить звание Героя Советского Союза, но, к сожалению, ускользнули от него звёзды. И всё из-за его бесхитростности и прямых суждений, касающихся конструкторских недоработок. Его судьба схожа с судьбой легендарного подводника, героя Великой Отечественной войны – Маринеско.

В каждой повести книги автор не без успеха нащупывает новых героев с их душевными метаниями и муками. Патриотизм – их самое больное и уязвимое место. От того у них смятение и беспокойство – куда идём, куда катимся после распада СССР. Но, судя по событиям сегодняшнего дня, Российский флот находится в надёжных руках. Тех, кто продолжает дело героев повестей Юрия Пахомова. И тому свидетельствуют события в Сирии. С кораблей, базирующихся на Каспии, запускают ракеты, которые пересекают тысячи километров, и с точностью до метра накрывают расчётные цели: склады с боеприпасами и командные пункты террористов.

О книге стихов Павла Рыкова "Дорога в Дамаск"

Что такое "дорога в Дамаск", по которой нас проводит лирический герой стихов замечательного оренбургского поэта Павла Рыкова? Не тот ли это путь, который предстоит пройти каждому, – путь исповеди даже не перед священником, а перед самим собой в решающий миг нашей вечной жизни – в момент неумолимо приближающегося перехода в мир иной? Не вспомним ли мы в эту минуту всё, что пережили и перечувствовали за многие десятилетия: беды, радости, проступки и взлёты, победы и поражения, в которых уже нельзя ничего

крыть для себя новое небо подлинных смыслов, пронизывающих нашу жизнь в те минуты, когда мы совершаем самые важные для себя поступки.

Нет, не привычные евангельские сюжеты, пересказанные в духе модного нынче, прости Господи, "экскурсионного православия", когда в каждой строфе встречаешь несколько не всегда уместных церковных куполов и лениво зарифмован-

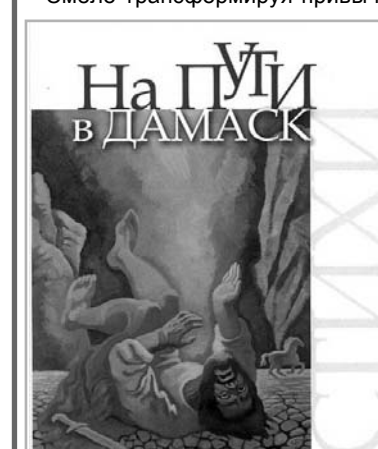
Лопа ЗВОНАРЁВА

Дорога, по которой проходит каждый

исправить?

Да, читая эту книгу, постоянно думаешь о том, что настоящую поэзию от витиеватого словословия отличает неподдельная ёмкость образов и высокая скорость движения смыслов. Всё это мы встречаем в стихах, вошедших в эту небольшую по объёму книжку, что "томов премногих тяжелей".

Смело трансформируя привыч-

ные жанры, выявляя все новые содержательные пласты в евангельских символах, органично вписываемых в нашу сегодняшнюю, повседневную жизнь, Павел Рыков заставляет читателя пройти этой трудной дорогой, вспоминая то, что, казалось, тщательно спрятали в тайных уголках нашей капризной памяти.

В этих страстных и удивительно свободных стихах мы открываем для себя истинную красоту и трогательное сердце правду, способные взять в плен не только ум, но самое главное – сердце читателя.

Тайна этих стихов в том, что за привычными, знакомыми словами и отожженными неологизмами автора ("выцкивают молотки", "наинтернетяся", "гейки и лесбияны", "трататакающий пулемёт", "бумкнуток кимвалы", "растребушение") внимательному читателю увидится особое сияние, то самое, что неожиданно брезжит за строками стихов талантливых и искренних, которые невозможно имитировать или подделать. А значит, поэт помогает нам от-

ных библейских цитат, а умение на наших глазах превратить бытовые сцены из повседневной жизни в таинственную мистерию духовного бытия, переживаемого каждым в те или иные мгновения земного существования.

Павлу Рыкову удаётся в лучших стихах из этой книги помочь читателю прикоснуться к краешку нового измерения, за которым открываются кому-то – бездны новых смыслов и мерцают спасения, а кому-то – пропасти прежних соблазнов и искушений.

Павел Рыков, писатель огненного темперамента, предпочитающий сжатые сюжеты, наскавозь пронизанные болью и восторгом от пережитого лирическим героем, наделён даром превращать предмет реального мира в нечто нездешнее, не подвластное инфляции, девальвации или спекуляции.

Уменьшая поэтесса Серебряного века Зинаида Гиппиус считала: всякая подлинная поэзия по сути своей – молитва. Судя по этим стихам, Павел Рыков вполне с нею солидарен.

Кроме того, многие стихотворения из этой книги ещё раз убеждают нас в том, что поэзия сродни музыке. При этом за каждой из поэтических миниатур встаёт узнаваемый образ автора с его выразительной речью, уникальной жизнью и неповторимым характером.

...Окружающий нас мир вызывающе дисгармоничен. И мы ищем в поэзии опору, позволяющую прикоснуться к гармонии мира небесного и помочь сделать для себя жизненно важный выбор между сиюминутным и вечным.

Самые страшные беды нашего времени, по мнению автора этой книги, – богооставленность многих наших современников, которую они не умеют преодолеть, и бесконечно повторяющиеся и возобновляющиеся на разных уровнях гражданские войны.

Павел Рыков пытается этой книгой приблизить нас к гармонии подлинной и пониманию себя истинного.

Убеждена: это ему вполне удалось.

Алексей ГУБАРЕВ

Я там завяз, совсем в другой стране,
Которую бессовестно простирали
Так в недалёком,
но далёком прошлом.
Семидесятые опять приснились мне
В замызанном чепке ЖД вокзала,
Где я, качаясь пьян, ругаюсь пошло.

Тягучим сном забрёл в Бахчисарай:
Наложницы, их яркие халаты.
Кальян. Вино и лущеный миндаль.
Чалма, павлиний азиатский рай.

Лик евнуха, смотрящего палаты,
И взор Марии в северную даль.

Я всё узрел, что Пушкин написал.
И, в общем-то, признателен Гирею,
Что в чаши заключён любви фонтан,
Где всё ещё творит печальный бал
Большое горе, мрамор смертью грея,
Которую дохнул жестокий хан.

Но мнилось,
не приметил что-то гений:
Сосуд с инжиром, вычурную вязь –
Знак упоения и обречённой страсти;
Неясную тоску арабских пеней;

В мертвецком мраке
лермонтовской сакли.

Похуже
беглый в каторжном краю,
В болото провалившись при луне,
Смерть холит лёгкую
нежданную свою.

Есть в этом правое, не так ли?

И хоть живу совсем не в той стране,
Которая была недолгим домом,
Я русский,
сердце русское во мне
В том ангела
и честную поклоном.

О книге стихов Олега Малинина "Песня о сдаче Славянска"

Поэзия по своей сути стихийна. И в стихах молодого поэта Олега Малинина её природа ощущается очень ярко. Его сила в том, что он идёт вслед за этой мощью, позволяя стихотворениям рождаться и жить по своим собственным законам. Поэзия Олега Малинина полна молодой энергии, не всегда подчиняющейся упорядочиванию, но корни её – в глубокой литературной традиции. И достоверное ощущение этих корней проявляется в ней творческой силой.

Одним из признаков поэтической стихийности являются физические и метафизические превращения реальности в его текстах. Но это нельзя назвать волевым или слишком свободным обращением со словом, обладающим собственной природой, – весь мир ощущается автором как единство, как цельное полотно, где у неба есть тело, в которое вонзается клинок птичьей стаи:
*Рыдающий горько
Клинок журавлей
Вонзается в облако сбоку.*

Река становится кровью, но не человеческой – берёзовой. И здесь отмечена глубину образности поэзии Олега Малинина: он использует приём в приёме – в сравнении (река как кровь) скрыто олицетворение (берёза – живое существо).
*И сонно течёт,
словно кровь из берёзы,
С камнями в разливе
встречаясь, река.*

Особое место в этом мире отведено даже не словам – Слову. Слово было в начале, поэт – его проводник, а не автор. И, явившись в мир благодаря поэту, Слово обретает собственную жизнь, своё звучание, своё особое значение.
*И над знаменем горько звеня,
Молодая листва золотёного слова
Отрывается вдале от меня.* (Крейсер "Варяг")

Молодое Слово служит знамени – само по себе, вольное и звенящее. Этот образ, пожалуй, глубже всего раскрывает понимание Олегом Малининым предназначения поэзии.
Тонкое языковое чутьё позволяет автору создавать редкий для современной поэзии приём – восстановление в
Анастасия ПОРОШИНА

поэтическом контексте стёршегося значения слова. Прилагательное "перочинный" в повседневной речи давно воспринимается только в устойчивом сочетании со словом "ножик" и указывает на небольшой размер, а не на функциональное. Но становится эпитетом, оно, во-первых, создаёт образ нервов-ножей, а во-вторых, неожиданно проявляется его первоначальное значение – служащий для того, чтобы чинить перья. А перо – главное орудие поэта.
*...На острых
Нервах перочинных...*

Повинуясь поэтической энергии, стихи пространства, реалии физического мира переходят одна в другую, обретают новые черты. Заснеженная степь вдруг совершенно естественно становится морем.
*Гуляет в сугробах степная волна,
К ногам упавшая...
И давние раны
Губами студёными лижет она.* (Старая песня южных славян)
Волны моря – крылья – ладони – травы...
*Высокие волны – сами крылья!
Широкие ладони бушующих трав –
Зеленоватые и сырые,
Каждый
сравнивший их с птицей – прав.*

Сколько в двух строках возникает образных наслоений: от стихийного к не-

бесному, и далее – к человеческому (ладони) и земному (травы). Такая градация образа закономерна, но при этом требует внимательного, глубокого прочтения, чтоб не уронить ни капли, ни слова, не потерять в восприятии ни единого образного оттенка. Внимательное чтение – это то, чему сегодняшних читателей надо учить, это утраченное умение, потерянное вместе с осознанием ценности классической, традиционной литературы. Потому что современ-

ная пронизана ощущением полноты жизни, в чём бы эта полнота ни выражалась – в ощущении весны, обновления, в неизбежной тоске, в вихрях исторических перемен и революций, в огне войны. Не случайно автору близка оказывается тема войны, бунта, тема народной стихии – и он находит отражение этой стихии и в сюжетах мировой истории (Наполеон), но более всего – в своём Отечестве, в его истории (Разин) и современности (Славянск).

Молодая листва золотёного слова...

Война в поэзии Олега Малинина позволяет ощутить близость смерти – и ценность жизни, а потому и оценить, ради чего человек готов своей жизнью жертвовать. Динамику слога, постоянное стремительное движение усиливает образ ветра, сквозящий во всей книге.
*Не спеша накали
Начавшее биться уверенней сердце,
Грудной ветровей!..*
*<...>
Теплый ветер, лети и зови...
(Парад Победы)*
*Ревей! Ты не найдёшь покоя!
Поющий, стонущий на флейте
Прибрежных скал! Все ветры вейте,
Как он – с такою же тоской!* (Процанье Наполеона с Египтом)
Стенной буйный ветер заставляет ощущать биение жизни.
*Чтоб знал тоску стелной, собачий,
Безумный ветер, чтобы жить.
Чтоб чувствовал...* (По дороге домой)

И, наконец, диким зверем взывает ветер народной бури, грядущих перемен.
*Я люблю рёв голодного ветра,
Завывающего по стране.* (Стенька Разин в Астрахани)

Черная вдохновение в истории Родины, автор следует и за её песенными, ритмическими мотивами.

Ритмической строй книги многообразен и представлен как традиционными казачьими, народными мотивами, так и современными.

"Песня о сдаче Славянска", давшая название книге, представляет широкую палитру мелодий, вызывающую многочисленные аллюзии с народными напевами. В поэме стихия достигает своего

поэтическое, так как тема близка современности и оттого особенно остра. Поэт становится введом этой стихией. Стихийность проявляется и в композиции, и в сюжете, и в выборе выразительных средств, и в мелодической основе поэмы. Перо не всегда успевает за поэтическим полётом мысли: порывистость слога зачастую влечёт за собой смысловые разрывы, некоторые образы в стремительном движении рассыпаются, но всегда подлинным остаётся ощущение самой стихии жизни и её страстей.

Темы творчества Олега Малинина традиционны для классической лирики, но все они преломляются через призму истории, военно-патриотического подбёма. Лирический герой ощущает свои корни, подпитывается силой предков, оттого так устремлён в будущее, уверен в победе.
*Тебе позволительно память иметь
О том, о далёком, который,
Как ты,
презирал суеверья и смерть,
Влюбясь в кочевые просторы.* <...>
*Так пей растоянье
в погيبийей ночи,
Почувствуй – родное какое!
Мы ядерной мощью ещё горячи,
И сами не знаем покоя!..* (От южных широт устремся...)

И вместе с тем он осознаёт, что будущее возможно лишь там, где помнят

прошлое, его имена и уроки.
*На тяжёлых камнях
древнерусских поверий
(Где монголы и гунны прошли,
Где разбилось
могучие волны о берег),
Лишь назвав поимённо лихие пороги,
Мы построим ещё корабли.
И родятся тогда
благодарные дети...* (Крейсер "Варяг")

Обращаясь к художественному оформлению издания, следует отметить, что и обложка, и иллюстрации внутри книги отсылают читателя к теме истории Родины. Но нужно сказать, что и в стихотворениях, посвящённых другим странам, географическим точкам, ощущается попытка прочувствовать корни этой земли, постичь её вековой опыт, пережить её войны и боль и взглянуть на неё не с позиции туриста, а глазами поэта, чувствующего гораздо глубже обывателя. Это чувство органичности, сопричастности, единства пронесено поэтом через всю книгу. И художественная образность поэтического мира так же органична, многоуровневая и глубока.

В современном мире остро стоит проблема самоидентификации человека – национальной, культурной. Зачастую культурное полотно представляется скроенным из лоскутков, и каждый вроде бы волен выбрать себе Родину, язык, песни, традиции. Оглядываясь в прошлое, мы теряемся. Наша страна так резко меняла имена и направления исторического движения, что объяснима невольная растерянность: на что мы опираемся, во что мы верим? Не возникает этого вопроса у Олега Малинина. Для него Родина – под любым именем, при любой власти, во всех ипостасях едина. Сегодня это голос – не сомневающийся, а уверенный, верующий и утверждающий – нужен, пожалуй, как никогда. В книге Олега Малинина "Песня о сдаче Славянска" стихийными поэтическими порывами сливается в единое полотно разорванная историческая память.